

ЭДУАРД КЛЮЕНКО,

кандидат социологических наук, доцент, руководитель Центрально-украинской социологической лаборатории Кировоградского государственного педагогического университета им. В.Винниченко

Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману

Abstract

The article is devoted to the analysis of theory, methodology and measuring of political participation. The author comparatively scrutinized theoretical problems of genesis, functions, role, and prognosis for the future of this phenomenon in the sociological theory in order to define the difference and commons in the existing approaches. Crucial analysis and generalizations of various political participation conceptions as well as empirical researches are offered to be correctly applied for the studying in the transitional society. The definition of political participation, its structure, motivation, main forms and factors, models of stratification in modern conceptions has been comparatively analyzed and systematized as a methodological base of empirical research. The author elaborated and tested the approach to assessment of political participation based on using Guttman's one-dimensional continuity scale. Due to the approach, with presented reliability and validity, index of political participation (IPP) was calculated and four-dimensional model of political participation stratification was formed according to polling empirical data.

“Новые старые” политические реалии: постановка задачи

Характерной приметой нынешней ситуации в украинском обществе является активизация участия населения в политическом процессе, толчок к которой был дан массовыми акциями протеста во время президентских выборов 2004 года, получившими название “оранжевой революции”. Однако эти новые политические реалии — мобилизация и активизация политического участия — порождают уже известные науке проблемы, составляющие предмет дискуссии в социологии политики еще с 1960-х годов. С одной сто-

роны, усиление политической самодеятельности ведет к развитию структур гражданского общества, к формированию сильного, хорошо организованного демократического сообщества, а с другой — это может создавать барьеры, тормозящие деятельность структур власти (“сильное общество — слабое государство”). По мнению ряда исследователей (Дж.Мигдела, С.Хантингтона и др.), в новообразованных и еще не окрепших экономически государствах основная коллизия разворачивается по поводу эффективности власти в условиях активизировавшегося контроля со стороны гражданского общества, требования которого отнюдь не совпадают с желаниями и целями политиков и представителей власти. В новых государствах массовая политическая мобилизация своим давлением может значительно снижать стабильность, а также оперативность и эффективность функционирования административных институтов [1, с.397–398].

В сегодняшней Украине подобная противоречивость положения структур власти заставляет и политиков, и ученых обращаться к поиску средств балансирования между контролем за властью, предполагающим усиление ограничений, и быстрым эффектом властных решений, предполагающим максимальную свободу власти в выборе средств для действий.

Вместе с тем в отечественной социологии пока недостает всестороннего теоретико-методологического анализа такого важного показателя состояния общества, как политическое участие, не разработаны методические подходы к его измерению. Отсюда “фрагментарность” измерений (использование разрозненных индикаторов), невозможность сопоставления результатов, полученных в разных исследованиях, низкая точность измерительных шкал, от чего страдает качество измерений, их надежность и валидность. Поэтому целью предлагаемой работы стала попытка по возможности восполнить эти пробелы.

Политическое участие традиционно рассматривается исследователями как разновидность поведения и/или отношений индивидов в политике. При этом уточняются рамки участия в политике: либо это участие только в политическом *процессе* как “санкционированном”, легитимном, либо, в более широком смысле, участие в политической *жизни*, которая масштабнее политического процесса и выходит за его пределы, охватывая и “несанкционированные”, нелегитимные и насильственные действия. В западной социологии политики с учетом этого аспекта разграничивают два типа политического участия, каждый из которых имеет свою структуру.

1. “Конвенциональное” участие в политическом процессе как в повседневной, нормальной, легитимной (“в рамках системы и по закону”) деятельности в ситуации стабильности политической системы, не нарушающее “нормального хода демократических политических процессов” [2, с. 149].

2. “Неконвенциональное”, или протестное участие, как правило, в ситуации политического кризиса, которое может и не противоречить закону, но вследствие его “экстраординарности” не является частью повседневного, “естественно протекающего” политического процесса, имеет дестабилизирующий потенциал — создает определенный уровень социальной напряженности [3].

В задачу нашего исследования входит теоретико-методологический анализ, а также разработка и апробация методического подхода к измерению (на примере Кировограда) первого из выделенных типов — “конвенционального” политического участия.

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

1. Проблема генезиса феномена политического участия

Важным моментом, позволяющим лучше понять современное состояние какого-либо социального феномена, является его происхождение. Применительно к политическому участию этот вопрос во многом является проблематичным.

Согласно классическому подходу, предложенному Ф.Теннисом, социальность последовательно проходит две стадии в своем развитии: “эпоху обществ” (общины) и “эпоху общества”. Первую эпоху (традиционное общество) ученый характеризует формулой: “Сельская жизнь = обычай”, где субъектом выступает общность. Второй эпохе соответствует формула: “Национальная жизнь = политика”, где субъект — государство [4, с. 247]. Поскольку “обычай переходит в норму, в закон”, то вероятно, что опыту участия в политике мог предшествовать опыт участия в ритуалах. Хотя традиционным обществам часто отказывают в существовании чувства гражданственности (причастности), специалист в области культурной антропологии К.Гирц считает такие выводы преждевременными, так как этапы возникновения этого чувства из традиционных предпосылок исследованы разве что поверхностно, и его корни остаются неясными [5, с. 363]. Обнаружат ли дальнейшие исследования убедительные следы латентных функций ритуалов в формировании современного чувства гражданственности (причастности)? Как полагает Р.Макайвер, тенденции, “остающиеся в растворе” в традиционных обществах, “кристаллизуются” в обществах современных: “У индейцев-юрков или андаманцев нет никакого государства, и все-таки в определенной степени они являются политическими существами, так же как в определенной степени они являются религиозными существами, хотя и не имеют никакой церкви” [6, с. 80].

Исследуя различные традиционные общества (Индонезия, Нигерия и др.), К.Гирц, в частности, констатирует, что придворный церемониал в них был движущей силой политики, участие в церемонии было не формой политики, а ее содержанием, так как руководить означало не столько принимать решения, сколько участвовать в выполнении ритуалов: “Это было государство-театр, в котором короли и князья выступали в роли импрессарио, жрецы — режиссеров, а крестьяне были и актерами-исполнителями, и работниками сцены, и зрителями” [5, с. 393]. В этом отношении примечательно, что, как и в современном обществе, в традиционном большинство людей были не столько участниками, сколько зрителями [5, с. 262–263]. В другом отношении церемонии (даже похоронные) часто становились полем участия в политических конфликтах, когда наблюдается вторжение религиозных символов в политику и — наоборот [5, с.197–200].

Анализируя проблему происхождения участия, важно учитывать и существующий в традиционном обществе феномен имитации, когда деятельность вытесняется ее имитацией. Как показали исследования К.Леви-Стросса, в социальных системах это может выражаться в вытеснении некоторых социальных процессов их иррациональными антиподами (“реинтеграция содержания в форму”): сельское хозяйство вытесняется магией, вос-

производство политической жизни — воспроизводством власти посредством церемоний, ритуалов [7, с. 373].

Настоящее “рождение” собственно политического участия многие исследователи связывают с процессами трансформации традиционного общества, нашедшими отражение в теориях модернизации. В авторитетных в рамках этих теорий исследованиях С.Хантингтона [8] рост политического участия в традиционных обществах определяется содержанием процессов политической модернизации: вовлечение в модернизационный процесс групп населения, стоявших ранее вне общественной жизни, через их усиленную политизацию. В результате этого группы и слои, которые традиционно игнорировались и считались невосприимчивыми к политике, все в большей степени начинают участвовать в социально-политической жизни общества, проявлять гражданскую и политическую активность. В процессе политической модернизации все большим становится участие в политической жизни и новых социальных групп, что обусловлено возрастанием уровня политического сознания широких слоев населения.

В исследованиях М.Фуко прослеживается идея о том, что все современные политические феномены “родились” на рубеже эпохи Просвещения и XIX века в результате изменения типа власти. Из репрессивного органа, основными функциями которого были принуждение, подавление, запреты, наказание (“распоряжение жизнью и смертью”), традиционная суверенная власть трансформировалась в современный тип власти — безличную силу, не имеющую специального центра своего распространения, которая уже не “казнит”, а “взрачивает”, организовывает, управляет, “заведует жизнью”. Эти новые функции власти появились в результате изменения объекта ее политического воздействия — им стал уже не отдельный индивид или социальная группа, а население, приобретающее характер массы в результате демографического взрыва. Поскольку население, или массу нельзя казнить, то ее стараются сформировать, дисциплинировать, приучить, и в связи с этим возникают новые средства управления массой — технология нормализации и дисциплинирования с целью придать массе форму управляемого политического тела [9, с. 237–246]. Одним из таких новых средств организации, воспитания и вместе с тем использования массы через “увеличение ее полезности” для власти является и политическое участие — как своего рода “политическая нормализация, упорядочивание массы”. Отсюда и старания власти приучить массу к дисциплинированной активности в политике.

Настоящее развитие политического участия, по мнению К.Мангейма, происходит “в эпоху преобразований” уже в собственно индустриальном обществе второй четверти XX века. При этом принципиально меняется содержание демократии: радикальная активизация участия в политике всех социальных слоев ведет к “фундаментальной демократизации общества” [10, с. 288]. До этого демократия была лишь псевдодемократией, “поскольку предоставляла политическую значимость только мелким группам в имущественной и образовательной сферах” [10, с. 289].

2. Политическое участие как социальный феномен в теоретической социологии

В западной теоретической социологии место и роль политического участия в социально-политических процессах определяется неоднозначно.

Существующие теоретические направления в социологии можно разделить на две группы в зависимости от оценки его значения в социуме. К первой группе можно отнести теории, в которых политическое участие наделяется весомым конструктивным воздействием на состояние общества (**“конструктивный” подход**), а ко второй — рассматривающие политическое участие как элемент социально-политической буфатории, подчеркивая разрыв между предполагаемой значимостью и практически нулевой реальной ролью политического участия в обществе (**“критический” подход**).

Примечательно, что к *первой группе* можно отнести теоретических оппонентов: структурный функционализм и теорию конфликта. Обе теории, хотя и с разных позиций, обосновывают важность феномена политического участия в социально-политической жизни. Функционализм определяет политическое участие как один из способов поддержки гомеостаза, равновесия социальной системы, как важнейший элемент ее политической подсистемы, посредством которого преодолевается отчуждение широких слоев населения от влияния на политику, на принятие решений. Политика, по мнению Т. Парсонса, — это одна из четырех подсистем социальной системы, функция которой — целеориентация, а политическое участие — один из элементов этой подсистемы, обеспечивающий занятие политическими видами деятельности для реализации этой функции (побуждающий граждан работать на эти цели) [11]. Для Р. Мертона политическое участие — это один из механизмов “политической машины” [12, с. 451–461]. При помощи этого механизма, как отмечает и С. Липсет, обеспечивается демократия, которая “связана с предоставлением максимально широкого доступа к структуре принятия решений для различных групп” [13, с. 213]. Именно политическое участие, конкретизирует Б. Барбер, является мощным рычагом, для того чтобы “уравновешивать влияние высших социальных классов, а порой и брать над ними верх” [14, с. 237]. Таким образом, главная функция политического участия — обеспечение социальной стабильности (равновесия) посредством реализации политической демократии.

Иная, но не менее конструктивная роль отводится политическому участию в рамках конфликтологической парадигмы, где этот феномен представляется одним из источников развития. У конфликтологов политическое участие — одно из проявлений соперничества, борьбы, конфликтности как всеобщих характеристик социума [15, с. 47]. В западных демократиях политическое участие — это разновидность институционализированного конфликта в политике, и, как подчеркивает Л. Козер, оно является своеобразной “отдушиной”, “способом канализации социального недовольства и негативных эмоций” [16, с. 203], который служит для сохранения социальной структуры и усовершенствования общества (позитивная функция). Политическое участие — это регулируемые и контролируемые конструктивные политические конфликты, в отличие от деструктивных конфликтов, характерных для недемократических обществ (стихийных социальных взрывов). Согласно Р. Дарендорфу, политическое участие в условиях демократии — это “упорядоченные формы дискуссий между классами”, сменившие прежние формы открытой борьбы, а собственно демократия — это способ “правления через конфликты”, через увеличение “шансов участия” в управлении [17, с. 163]. Западное общество оказывается, таким образом, “застрахованным” от деструктивных конфликтов, оно саморазвивается на основе

широкого участия населения в политической жизни, в принятии важнейших политических решений, в воздействии на политику.

Вторая группа теорий оценивает место и роль политического участия в современном обществе критично или даже крайне скептически. Наиболее последовательно этот подход представлен в интеграционизме П.Сорокина, неомарксизме (представители Франкфуртской школы), леворадикальной социологии. Место политического участия в этих теориях — это место экзотического демократического придатка к реальной власти правящей элиты. Роль политического участия во влиянии на политику — эфемерна и театральна, то есть, по сути, никакого влияния масс на элиту не существует. К такому выводу приходит Г.Маркузе [18, с. 146–165]. Настоящая функция политического участия — создавать видимость демократии и власти большинства. Участие в политике — проявление рекламного духа демократии, “демократические уловки”, которые нельзя принимать за правление большинства: “Свободный гражданин имеет в политике “нулевое значение”... Власть правит его именем и за счет его авторитета”, — констатирует П.Сорокин [19, с. 343]. Показателем этого в западных демократиях, отмечает Ч.Р.Миллс, является распространенная политическая апатия и индифферентность “веселых роботов”, “бездеятельных чужаков в политике” [20, с. 325–328]. Причины такой апатии, полагает Т.Адорно, в низком интересе к политике, так как политика для западного человека скучна как досуг (в отличие от спорта, искусства и др.) и нерезультативна как деятельность (в отличие от работы, творчества), что приводит к неразвитости политической компетентности: неопределенности и путанице в политических суждениях, что больше отвечает авторитарным и недемократическим режимам. В западных демократиях, подчеркивает Т.Адорно, существует дисбаланс, разрыв между низкой политической компетентностью и “волной политических новостей, захлестывающих население”, что предполагает наличие такой компетентности [21, с. 166–171].

Подобные проблемы связаны, как полагает Ю.Хабермас, с утвердившейся в обществе сферой коммуникаций и принятия решений, которая так все искажает, что большая часть населения находится в полном неведении относительно реального распределения власти, контроля и политических решений. Существующие политические коммуникации “ложны”, дают возможность действовать “через голову” публики: “демократические” структуры, получив от общественности легитимность на выражение ее интересов, начинают преследовать собственные цели, уходят от контроля публики, деформируя коммуникацию посредством перекручивания, манипулирования и сокрытия информации. Это позволяет довольно часто подавать общественности важные политические решения как свершившийся без ее участия факт, однако от ее имени и по ее воле [22].

Более того, по мнению Й.Шумпетера, собственно воля народа, выражаемая в политическом участии, — это продукт, а не движущая сила политического процесса, так как она не истинная, а “спланированная”, сформированная политиками через коммуникации: “...факт остается фактом, люди не ставят и не решают никаких вопросов, а наоборот, вопросы, которые определяют их судьбу, обычно ставят и решают другие” [23, с. 329].

3. Проблема социального прогнозирования политического участия

Теоретические прогнозы относительно тенденций развития политического участия представлены в теориях постиндустриального общества и социологии постмодернизма, которые пытаются на основе новых тенденций в социальной реальности спроектировать перспективы социума. *В большинстве теорий постиндустриализма представлен “оптимистический” социальный прогноз развития политического участия, а в большинстве постмодернистских концепций – “скептический”.*

В теории постиндустриализма Д.Белла артикулируется умеренный оптимизм относительно развития политического участия в социальной перспективе. Исследователь отмечает наблюдаемое в современных условиях стремление граждан к большему участию в организациях (что будет формировать конфликтный потенциал в будущем). В целом же в политическом измерении постиндустриального общества осевым принципом является именно “соучастие, иногда мобилизованное или направляемое сверху, иногда такое, которое востребовано снизу”. В “повестке дня для будущего” стоит “расширение политической сферы и включение в происходящие процессы все большего числа людей..., а сам факт повышения активности ведет к умножению числа групп, “контролирующих” друг друга и порождающих чувство безысходности” [24, с. 635].

С большим оптимизмом на “волнующие перспективы радикального расширения политического участия” [25, с. 686] в супериндустриальном обществе третьей волны смотрит Э.Тоффлер. Причем этот “великий демократический скачок вперед” – не предмет выбора, а эволюционная необходимость, без которой система не может работать, так как переход общества на новый уровень сложности отягощает политический “груз решений”, который “в конце концов придется разделить через более широкое демократическое участие” [25, с. 684–686]. Важным “строительным блоком политических систем завтрашнего дня” должен быть переход к “полупрямой демократии” – сочетанию представительства и “партисипации” [25, с. 672]. Телекоммуникационные технологии будущего “впервые открывают умопомрачительное множество путей для прямого участия граждан в принятии политических решений” [25, с. 675].

В “компьютопии”, так называет будущее общество исследователь И.Ма-суда, электронные коммуникации получают статус технологической базы настоящей прямой демократии участия, призванной заменить демократию парламентских систем. Развитие автономных информационных сетей имеет революционные преимущества: наличие обратной связи и возможность учесть мнение меньшинства. То есть при компьютеризации политических решений обратная связь между участвующими и аккумуляция мнений будут повторяться до тех пор, пока не будет достигнуто согласие. Тем самым обеспечивается и баланс преимуществ и недостатков принимаемого политического решения, а также учитывается мнение меньшинства [26, с. 347–348]. На этой основе исследователь прогнозирует центральную роль политического участия в политической системе “компьютопии” – бесклассовом обществе, свободном от монополизированной власти центра (правлящей верхушки бюрократии). Ядром новой “полицентрированной” системы будут добровольные ассоциации, уже сегодня довольно распространенные (сообщества, коммуны, свободные объединения) [27, с. 28].

Аргументированный оптимизм (основанный на анализе большого массива данных) звучит в прогнозе политического участия в информационном обществе, предлагаемом Дж. Нейсбитом, который отмечает, что США уже находятся “в процессе массового перехода от представительной демократии к демократии участия”, которая “революционизирует местную политику в Америке и движется снизу вверх, меняя и курс национального правительства” [28, с. 228–229]. Начало эры участия в политике социолог относит к 1970-м годам, когда были отмечены, во-первых, беспрецедентный рост числа референдумов и инициатив — форм “прямой демократии”, которая “есть душа и сердце демократии участия”, и во-вторых, усиление самодеятельной политической активности на местном уровне [28, с. 228–233]. Кроме того, одним из мегатрендов на пути к будущему является переход от иерархического (пирамидального) к сетевому (горизонтальному) принципу структурной организации социальных институтов, что ведет к развитию коммунитаризма — “общества сообществ и ассоциаций” — и является расширением поля демократического участия. Все эти мегатренды — свидетельство “кончины представительной демократии”.

Наряду с общим оптимистическим прогнозом расширения политического участия исследователи обращают внимание и на такие риски использования технологических возможностей будущего, как создание системы тотального социального контроля, вроде полицейского государства. Кульминацией этого может стать “спланированное отчуждение” общественности от политики [29].

В социологии постмодернизма представлен скептический взгляд на перспективы политического участия, раскрывающиеся уже сегодня, в условиях “катастрофы модерности” — современного общества и его политики, утратившей свой объект (референта) и существующей для себя (как симуляция) [30]. На формирование такого подхода ко многим политическим феноменам постсовременности большое влияние оказал М. Фуко, рассматривающий их как продукты современного типа власти. Исходя из такого подхода, политическое участие определяется двумя функциями: для власти — это средство дисциплинирования используемой в политике массы, а для массы — каналлизация недовольства, создание видимости влияния на свое будущее.

В исследованиях Ж. Бодрийера перспектива развития общества связывается с исчезновением политического как “эстетической галлюцинации реальности” [30, с. 125]; оно больше ничего не репрезентирует и существует как автономный мир символов, симулируется. Исчезли социальные референты (реальные образования), обозначаемые категориями “народ”, “класс”, “пролетариат”, остались лишь политические символы. Единственное реальное образование в постсовременном обществе — расширяющееся “молчаливое большинство”, которое не выражает себя, является инертным, гиперконформным и поэтому уничтожает не только политическую репрезентацию, но и весь политический процесс: “Долгое время казалось, что апатия масс должна приветствоваться властью. У власти сложилось убеждение, что чем пассивнее массы, тем эффективнее можно ими управлять... Однако сегодня последствия этой стратегии оборачиваются против самой власти: безразличие масс, которое она активно поддерживала, предвещает ее крах. Отсюда радикальная трансформация ее стратегических установок: вместо поощрения пассивности — подталкивание к участию в управлении,

вместо одобрения молчания — призывы высказываться. Но время уже ушло” [31, с. 29]. Власть постоянно требует участия (в выборах, контроле, партиях), заигрывая, окружая заботой, воздействуя на массу, однако “молчаливое большинство — безмолвно”, оно поглощает эти призывы и не становится “сознательным участником политического процесса ни на минуту” [31, с. 46]. Весь политический процесс, включая участие, — это симуляция, спектакль, разыгрываемый перед обывателем, который ушел в частную жизнь как форму сопротивления политической манипуляции, что в перспективе может обозначать лишь одно — конец участия в политике.

В социоанализе постсовременного общества П.Бурдье раскрываются присущие этому обществу неклассические “мобилизирующие” силы участия в политике — это не столько монополия использования ресурсов политической власти (финансов, права и др.), сколько монополия производства и распространения политических представлений и мнений (политической продукции): “...проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения “потребителей” [32, с. 182]. Именно это обеспечивает как легитимное символическое насилие, так и прямое манипулирование, навязывание определенного видения в распределении позиций участия в поле политики. Участие граждан в политике в постсовременном обществе — это средство для воспроизводства легитимного символического насилия через делегирование полномочий доверенным лицам, которые впоследствии становятся автономными и “самоосвященными” [33, с. 242–252].

Подводя итог анализу теоретических прогнозов политического участия, можно отметить, что в перспективе актуальность социологического анализа политического участия скорее будет возрастать, и это связано с развитием его новых форм от “электронных, интерактивных ратуш” у Э.Тоффлера [25, с. 676] до широких социальных движений у А.Турена [27, с. 11], на которые специально обращает внимание и Э.Гидденс в шестом тезисе о будущем социологии [33].

4. К истории становления категории “политическое участие” как предмета социологического исследования

В течение примерно пятидесяти лет “политическое участие” прошло путь от “газетного” к научному термину и, наконец, к самостоятельной концепции с различными подходами к анализу. До середины 1950-х годов в зарубежной социологии политическое участие изучалось преимущественно как участие в государственном управлении и выборах. С этого же времени данное понятие приобретает статус научного термина и входит в число ключевых в категориальном аппарате четырех социологических концепций: демократии, модернизации, политической культуры и массового общества. Усиление интереса к политическому участию именно в этот период было неслучайным по нескольким причинам: во-первых, в силу необходимости объяснения политических процессов в ставших на путь модернизации освободившихся странах, во-вторых, вследствие смены методологической парадигмы в американской политической социологии (от анализа институциональных структур к исследованию политического поведения) [34, с. 6] и, в-третьих, ввиду политической практики западных демократий — развития структур гражданского общества. В то время ученые стали яснее

осознавать “охранительный”, стабилизирующий характер организованного политического участия, а политики, в связи с этим, — необходимость его стимулирования в качестве противовеса, по словам Н.Смелзера, двум тенденциям: “скатываться в политический хаос или соскальзывать в авторитарные или тоталитарные режимы” [35, с. 96]. К настоящему времени в западной социологии и политологии накоплены значительный опыт и традиции исследований политического участия, начало которым было положено в работе Г.Алмонда и С.Вербы “Гражданская культура” (1963), где был дан первый основательный анализ этой категории, введенной в исследование в качестве показателя политической культуры.

В истории изучения политического участия в отечественной социологии можно условно выделить два этапа: до и после 1991 года. В работах первого периода, написанных в традиционном для советского обществоведения ключе (и в философском аспекте), политическое участие анализировалось в двух направлениях: применительно к проблемам “политической активности трудящихся и личности в социалистическом обществе” и в рамках критического анализа западных теорий демократии и политической культуры. Основной вывод этих работ сводился к положению о позитивной роли политического участия в укреплении социалистической демократии и, поэтому, о необходимости воспитания этой активности как показателя развития народовластия при социализме. Принципиальными недостатками этих работ были, во-первых, концептуальная заданность анализа официальной идеологией, во-вторых, использование эмпирических данных и статистики, оторванных от реального политического поведения трудящихся масс и, в-третьих, игнорирование организованного, формального характера политической вовлеченности [36].

В условиях независимой Украины появились исследования, в которых стала утверждаться современная (западная) трактовка политического участия. Однако анализ этого феномена только начинается, о чем свидетельствует как отсутствие специальных, целенаправленных работ в этом направлении, так и весьма разнообразная практика исследования политического участия, изучаемого по большей части “попутно” и фрагментарно. В украинской социологии накоплен значительный эмпирический материал по проблеме [37], однако эмпирический анализ разнообразных показателей политического участия осуществляется без попытки их интеграции с применением адекватных методик; их рассматривают разрозненно, как правило, не опираясь при этом на специальный теоретический и методологический анализ. Вместе с тем, в украинской социологии активно изучались различные формы, причины и факторы политического участия, его особенности в переходном украинском обществе. К числу наиболее важных научных результатов, полученных отечественными социологами, можно отнести следующие:

1. Процессы развития гражданского общества (“общества участвующих в политике”) не сопровождают автоматически введение демократических институтов (“процедурного минимума демократии”). При этом обнаруживается и разрыв в социальных ожиданиях: между идеалом демократического общества и реалиями демократизации [38].
2. Уровень политического участия в трансформирующемся обществе во многом обусловлен его общими (аномия, изоляционизм) и специ-

фическими посттоталитарными социопатиями (патернализм, амбивалентность) [39].

3. Для переходного украинского общества характерен умеренный, но не очень выраженный интерес населения к политике, стабильно низкий уровень вовлеченности в организованные формы политической активности, низкая политическая эффективность (ощущение беспомощности перед властями) и низкий уровень политической компетентности [40; 41].

Эти результаты позволили сделать и общий вывод о политической культуре населения Украины, которая, как отмечает Е. Головаха, в системе координат “тоталитарная – демократическая” занимает промежуточную позицию, будучи, по сути, амбивалентной [40, с. 104].

5. Определение, структура и основные факторы “конвенционального” политического участия

Как в зарубежной, так и в отечественной литературе не существует общепризнанного, “канонизированного” определения категории “политическое участие”. На основе анализа общих моментов в наиболее известных определениях, “конвенциональное” политическое участие можно определить как реальные действия, посредством которых граждане вовлечены в политический процесс (отношения) и влияют или пытаются влиять на него в формах, нормальных и/или легитимных для данного общества [42; 43, с. 189; 44; 45].

Таким образом, и в структуру этого типа участия входят распространенные формы включенности в политику, рассматриваемые как нормальные и/или легитимные. В существующих исследованиях выделяется различное количество этих форм: от четырех (Л. Милбрет) [45] до двенадцати (С. Верба, Н. Най) [46, с. 95]. Большинство американских социологов в качестве “базовых” исследуют двенадцать форм “конвенционального” участия, предложенных С. Вербой и Н. Наем:

- 1) регулярное участие в голосовании на президентских выборах; 2) постоянное участие в местных выборах; 3) активное участие в деятельности одной организации, занятой проблемами общности; 4) активная деятельность в решении некоторых проблем общности; 5) попытки убедить других в целесообразности участия в голосовании; 6) активная работа хотя бы иногда в пользу тех или иных партий или кандидатов на выборах; 7) контактирование с представителями местного руководства по поводу какой-либо проблемы; 8) присутствие хотя бы на одном политическом собрании или съезде за последние три года; 9) контактирование с представителем руководства штата или страны по поводу какого-либо вопроса; 10) участие в создании группы или организации для решения некоторых проблем местного значения; 11) денежная поддержка партии или кандидата во время избирательной кампании; 12) членство в политическом клубе или организации.

Следует, однако, иметь в виду, что при кросс-секционных исследованиях политической культуры одни и те же индикаторы политического участия для различных стран могут оказаться несопоставимыми именно из-за качественно разных культурных контекстов [47, с. 5–7; 48, с. 99–108]. Отсюда необходимость выделения форм политического участия применительно к политическому поведению в изучаемом социуме (наиболее типичных, тра-

диционных, широко распространенных и одобряемых), чтобы не оказаться в ситуации, обозначенной Н.Смелзером как наложение западных категорий на незападные общества менталитетом исследователя незападного общества, изучавшего западные социальные науки [47, с. 5]. Исследователи М.Доган и Д.Пеласси видят решение подобных проблем в поиске функциональных эквивалентов [48, с. 103], в нашем случае для форм участия в политике, наиболее распространенных и типичных для “украинского контекста”.

Основные факторы политического участия. По общему признанию исследователей, среди различных факторов, влияющих на участие в политике, наиболее важна политическая эффективность — ощущение гражданами возможности влиять на политический процесс. В противном случае снижается уровень политического участия и, более того, как показывают эмпирические исследования, создается благоприятная почва для усиления протестных установок. Для стабильных обществ характерно оптимистическое отношение рядовых членов к участию в политике [46, с. 236–238; 49, с. 136–144; 50, с. 100], тогда как в нестабильном обществе, о чем также свидетельствуют эмпирические исследования, распространяется крайний скепсис по поводу собственной способности “конвенционально” влиять на политические решения, затрагивающие непосредственные интересы населения [51, с. 572].

К важнейшим факторам политического участия относятся также степень репрессивности политической системы либо наличие в обществе реальных возможностей (“конвенциональных каналов”) участия в политической жизни для широких слоев населения [52].

Кроме того, в литературе важное место отводится ситуативным социальным и личностным факторам политического поведения [53]. Важность их возрастает в связи с изменениями в постсовременном самовосприятии личности (противоречивой идентичностью). Исчезает ощущение непрерывной самотождественности, целостности образа “Я”, идентичность переживается как прерывистая самотождественность, меняющаяся от ситуации к ситуации. Анализируя идентичность, в которой сосуществуют “Я” и “Другой” (“сам как другой”), П.Рикер считает, что в этом случае закрепляется амбивалентность личности, ее внутренняя дискретность и, как следствие, усиливается ситуативность ее поведения [54].

Анализ уровня включенности в политику различных социально-демографических групп позволил как западным исследователям, так и ученым Украины и России сделать вывод о том, что политическое участие наиболее устойчиво, тесно и положительно коррелирует с уровнем образования в любом типе общества [46, с. 407; 41, с. 25–26; 44]. Поэтому значительное внимание исследователи уделяют также изучению политической компетентности граждан, уровень которой в значительной мере является функцией уровня образования. Политическая компетентность, “способности признавать политические вопросы именно как политические... давая на них политический ответ и исходя из чисто политических принципов” (П.Бурдые) [32, с. 103], определяет позиции политического участия.

6. Мотивы и модели “конвенционального” политического участия

Мотивы участия в политике можно разделить на два основных типа:

1. Собственно политические мотивы, в основе которых лежат представления граждан о необходимости участия в политической жизни, ощущение

причастности (политическое самосознание, чувство гражданского долга участия). Такой подход основан на анализе “идеальной модели гражданина” (*homo politicus*). В классическом виде “активистская модель” участия представлена исследованиями Г.Алмонда, С.Вербы, Н.Ная. Политическое участие поддерживается, как отмечают Г.Алмонд и С.Верба, благодаря “глубокой приверженности нормам активного гражданства” [55, с. 5]. Из более поздних исследований можно выделить концепцию развития демократии социологически ориентированного политолога Р.Патнема, в центре которой находится гражданское сообщество как совокупность горизонтальных связей между активными, с высоким уровнем политического самосознания гражданами: “Граждане в гражданском обществе, хотя и не бескорыстные святые, однако рассматривают общественную сферу как нечто большее, чем побоище ради соблюдения личных интересов” [49, с. 111].

2. Неполитические, инструментальные, “рационально-эгоистические” мотивы включенности в политику: люди принимают участие в политике, видя в этом средство решения собственных проблем (повышения статуса, престижа, доходов, удовлетворения психологических потребностей в общении, в ощущении своей силы и значимости). В рамках теорий рационального выбора одной из наиболее авторитетных в рассматриваемом аспекте является теория М.Олсена, основанная на анализе механизма расчета затрат на участие и полученных от него благ на примерах профсоюзов, добровольных ассоциаций, политических партий и т.п. В случае распределения социальных благ типичной является ситуация “безбилетника”: нерационально участвовать в коллективных действиях, если они принесут блага всем, а не только участвующим. Например, если действия отраслевого профсоюза приведут к повышению зарплаты, то это распространится на всех работников отрасли, а не только на членов профсоюза. Силой, которая может мобилизовать индивидов на участие, причем не только в политике, а в любых коллективных действиях, являются “селективные” стимулы. “Только сепаратный “селективный” стимул вынудит рационального индивида... действовать...” [56, с. 58], — отмечает Олсен, однако стимул должен быть больше, чем затраты на участие.

Распространенность неполитических стимулов вовлеченности в политику зафиксирована многими эмпирическими исследованиями. К примеру, исследовательская группа Р.Беллаха в США пришла к выводу о том, что для значительной части людей участие в политике обусловлено “достижением собственного интереса (*self-interest*)” или ощущением контактов с другими людьми [43, с. 195].

Модели позиций политического участия конструируются на основе эмпирических данных о политическом поведении граждан. Определение позиционирования граждан в поле политического участия позволяет представить “панораму политизации” населения. В большинстве авторитетных исследований социологи классифицируют респондентов в зависимости от количества форм вовлеченности в политику, выделяя от трех до шести позиций участия. Так, британские социологи Г.Пэрри и Г.Мойзер выделяют три основные позиции участия британцев в политике: “простые избиратели” (51%), “активные” (25,2%) и “практически инертные” (23,8%) [57]. В американской социологии политики большее распространение получили шестимерные модели позиционирования политического участия. Так, согласно

М.Олсену, американские граждане делятся на следующие категории: “политические лидеры” (3%), “активисты” (14%), “коммуникаторы” (13%), “граждане” (30%), маргиналы (18%) и “изолированные” (22%) [58]. Шестимерные модели предлагают также С.Верба и Н.Най [см.: 59, с. 73], Г.Боун и О.Рэнни [43, с. 194]. “Промежуточный вариант” (четырёхмерная модель) позиционирования граждан по степени “вторжения” в политику разработан Л.Милбрата, выделившим группы граждан с “активностью гладиаторов” (3%), “переходной активностью” (7%), “активностью наблюдателя” (60%) и “апатичную публику” (30%) [45].

Основные выводы о политическом участии, сделанные на основе конструирования различных эмпирических моделей, состоят в следующем:

1. Существует значительная неоднородность включенности в политику.
2. Участие в политике может быть представлено в виде иерархии.
3. Общий уровень политического участия является невысоким.

К общим недостаткам различных моделей можно отнести, во-первых, тенденцию к строгой, жесткой “привязке” граждан к той или иной позиции участия в политике и, во-вторых, методологическую неприемлемость для компаративных исследований (часто не только за пределами западных демократий, но даже между ними). Поэтому многие из существующих подходов “в ретроспективе кажутся несколько наивными” [47, с. 6], и вряд ли их можно признать универсальными.

II. ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ¹

1. Структура интегрального количественного показателя политического участия

На основе анализа различных исследований в качестве структурных составляющих интегрального показателя политического участия нами было выделено восемь основных, наиболее общих форм возможной вовлеченности граждан в политику. Совокупное реальное участие граждан в таких формах и должно определять уровень политического участия в социуме. Перечень эмпирических индикаторов, представляющих каждую из выделенных форм, разработан с учетом опыта, представленного в работах Н.Ная и С.Вербы, Л.Милбрата, Е.Головахи. При разработке этого перечня главным критерием была распространенность разновидностей политического участия в Украине. Так, в перечень не был включен такой индикатор, как “денежная поддержка партии или кандидата во время избирательной кампании”, использующийся в зарубежных исследованиях, а электоральное участие представлено не тремя индикаторами (участие в местных, парламентских и президентских выборах), а одним, поскольку нас интересовало голосование в принципе, прежде всего как **форма** участия, безотносительно к его разновидностям.

Таким образом, в перечень были отобраны наиболее характерные, показательные индикаторы для каждой из восьми форм вовлеченности в политику в украинском обществе, а не все существующие их разновидности. Кроме того, как справедливо отмечают Е.Головаха и Н.Панина, “исследова-

¹ Автор благодарен А.Горбачику за ценные замечания и рекомендации, высказанные в ходе обсуждения этой части работы.

тель вынужден ограничивать набор характеристик, эмпирически представляющих объект изучаемого явления, так как объем инструментария лимитируется организационными возможностями эмпирического исследования и психологическими ресурсами респондентов” [60, с. 20].

В конкретном инструментарии к вопросу анкеты: **“Если говорить о Вашем отношении к политике, то можно ли сказать что Вы...?”** каждая из восьми общих форм политического участия была представлена одним индикатором. В результате был сформирован набор фактологических суждений о вовлеченности респондента в политику в принципе, безотносительно к какому-либо периоду, с тем чтобы получить данные о самоидентификации его политической вовлеченности вообще, о том, как он сам себя определяет в этом смысле. Таким образом, в инструментарии к вопросу анкеты предлагалась серия спонтанно расставленных суждений “об отношении к политике” с дихотомическими альтернативами “да” или “нет”.

Перечень эмпирических индикаторов (суждений о себе) для восьми различных по характеру форм вовлеченности в политику:

1. **Вовлеченность в политико-идеологические коммуникации** (контакты, отношения с политическими акторами): *“Контактируете (общаетесь) с активистами общественно-политических движений, партий”*.
2. **Экспрессивная вербальная вовлеченность** (“высказаться в разговорах”): *“Говорите о политике, обсуждаете политические проблемы”*.
3. **Неинституциональные практики вовлеченности** (неассоциированная деятельность в пользу политических акторов): *“Делаете что-либо в пользу какого-то общественно-политического движения или партии (либо в пользу политика, депутата)”*.
4. **Познавательная вовлеченность** (потребление информации о политике из СМИ): *“Читаете о политике в газетах, смотрите, слушаете теле- и радиопрограммы о политике”*.
5. **Влияние на формирование мнений в малых группах** (пропаганда и агитация усвоенной общественно-политической позиции): *“Стараетесь убедить друзей, родственников в правоте своего мнения, взглядов”*.
6. **Институциональные практики вовлеченности** (членство в ассоциациях гражданской активности): *“Являетесь членом общественно-политического движения или партии и реально участвуете в их деятельности”*.
7. **Вовлеченность, мотивированная “проблемной ситуацией”** (“патрон-клиентные” отношения с политическими акторами в эгоистических целях, ради “решения вопроса”): *“Обращаетесь к представителям власти, депутатам для решения какой-либо проблемы”*.
8. **Электоральная вовлеченность:** *“Всегда участвуете в выборах”*.

2. Особенности измерения политического участия

С методической точки зрения цель исследования состояла в том, чтобы, по словам Е. Головахи [61, с. 13], “спровоцировав фактологические самоотчеты” респондентов о своей реальной политической активности в конкретных формах, выбрать адекватный методический подход и объединить полученные по всем индикаторам данные в единую интегрированную величину — обобщенный числовой показатель (индекс) уровня политического участия в социуме.

Выбор методического подхода для реализации поставленной цели исходил из важной особенности (предполагаемого свойства) политического участия: **логики кумулятивности вовлечения людей в политику**, которая частично фиксируется как в кросс-культурных исследованиях [62, с. 64–65, 222], так и в исследованиях в Украине и России [41, с. 27–28; 44].

Если мы, к примеру, знаем, что индивид проголосовал на президентских выборах (одно из самых обычных и наименее обязывающих политических действий), то мы не можем утверждать, что этот индивид делал что-либо в пользу одного из кандидатов (так как это значительно более сложное и довольно ресурсозатратное действие) или, тем более, что он является активным членом политической партии кандидата (одно из самых обязывающих и ресурсозатратных политических действий). Но если мы знаем, что индивид делал что-либо в пользу кандидата, то мы можем утверждать, что он также участвует и в таком менее значительном политическом действии, как голосование, хотя не можем утверждать, что он сделал и следующий шаг — вступил в политическую партию. И наконец, если мы знаем, что индивид — активный член партии, то у нас есть все основания полагать, что он делал что-либо в пользу кандидата от этой партии и, тем более, участвовал в голосовании.

Как отмечают Дж.Мангейм и Р.Рич, приводя аналогичный пример, “некоторые типы поведения связаны друг с другом так, что следование одним из них достигается с большим трудом, чем следование другим” [63, с. 256]. Поэтому менее сложные, в меньшей мере обязывающие и ресурсозатратные (время, энергия, средства) политические действия предшествуют более сложным. Допущение заключалось, таким образом, в том, что количество респондентов должно уменьшаться по мере возрастания трудности следования определенным формам политического участия.

В данном случае речь идет о поиске однонаправленного (одномерного) континуума свойств такой латентной и многоэксплицитной характеристики, как политическое участие, по набору его проявлений (форм), между которыми существует вполне логичное отношение порядка.

3. Методический подход к измерению

Одним из наиболее устоявшихся в науке вариантов конструирования упорядоченной номинальной шкалы является методика шкалограммного анализа Л.Гуттмана [64], основные принципы которой и были применены для разработки методического подхода к измерению. Преимущества данного подхода состоят, во-первых, в обеспечении адекватной процедуры вычисления уровня политического участия, характерного для группы респондентов, и, во-вторых, в обеспечении способа оценки степени соответствия набора форм политического участия нашему допущению об их упорядочиваемости.

Иначе говоря, применение этого методического подхода позволило бы эмпирически установить, проявляется ли латентный признак (уровень политического участия), по совокупности его проявлений (индикаторов), которые, в соответствии с теоретическим предположением о кумулятивности политического участия, должны упорядоченно “выстроиться” в кумулятивную иерархию.

Процедура конструирования индекса политического участия на основе шкалограммного анализа Гуттмана включает несколько основных этапов, подробно описанных в методической литературе [63, с. 256–262; 65, с. 175–180]:

1. Респондентам предлагается представленный выше набор из восьми фактологических суждений об их политической вовлеченности, которые предположительно образуют одномерный континуум. Соответственно использовалась дихотомическая номинальная шкала ответов (“да” или “нет”). При этом положительным ответам, в которых декларировалась вовлеченность в политику в определенной форме, приписывался 1, а отрицательным — 0 баллов.

2. Высший балл для респондента по шкале определяется как сумма баллов вовлеченности в политику в восьми формах. Респонденты с максимальным уровнем вовлеченности в политику получают 8 баллов, а совсем не вовлеченные — 0 баллов, остальные распределяются в промежутках между двумя полюсами шкалограммы.

3. Первичная социологическая информация располагается в матрицу для построения шкалограммы таким образом, чтобы упорядочить респондентов по количеству набранных баллов от высшего к низшему. Знаком “+” отмечаются ответы респондента, подтверждающие его вовлеченность в политику в различных формах (“да”), а знаком “-” — ответы, отрицающие политическое участие (“нет”).

4. Пункты (формы политического участия) упорядочиваются по общему количеству ответов на каждый пункт от максимума к минимуму. Затем матрица преобразуется в шкалограммную “лесенку” так, что вовлечение в более сложные формы политического участия должно повлечь за собой практикование менее сложных форм (по нисходящей). То есть набравшие максимум баллов располагаются в шкалограмме выше тех, кто набрал следующее за ними число баллов. Таким образом выясняется, действительно ли ответы респондентов о своей политической вовлеченности могут быть представлены в виде одномерного континуума (“кумулятивной лесенки”)¹.

5. Ранг респондента определяется суммой баллов по всем пунктам и принимается как индивидуальный индекс (в баллах). В совокупности эти индивидуальные ранги респондентов образуют метрическую шкалу, поэтому в качестве индекса политического участия для группы людей было принято среднее арифметическое баллов. Индекс принимает значение от 0 до 8; чем выше его величина, тем выше уровень политического участия.

Апробация данного подхода была осуществлена в ходе опроса общественного мнения в Кировограде (март 2004 года)².

¹ В условиях отсутствия компьютера вращение рядов шкалограммы с целью представить континуум в виде “лесенки” было довольно сложной и утомительной операцией. Сам Л. Гуттман на деревянной доске передвигал цветные фишки, соответствующие ответам со знаками “+” и “-”. Сейчас эти сложные перестановки осуществляются предельно просто благодаря возможностям программы SPSS.

² Опрос проведен Центральноукраинской социологической лабораторией Кировоградского государственного педагогического университета им. В. Винниченко. Объем выборки — 420 респондентов. Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту для взрослого населения Кировограда (от 18 до 75 лет). Метод — индивидуальное стандартизированное интервью по месту жительства. При $p = 0,95$ стандартная ошибка выборки составляет 5%.

4. Конструирование шкалограммы и индекса уровня политического участия. Статистическая оценка надежности и валидности измерения

Анализ шкалограммы

Пункты шкалограммы (табл. 1) упорядочены в направлении справа налево в порядке уменьшения общего количества ответов со знаком “+”, то есть в порядке снижения политической вовлеченности респондентов. Итоговые данные (удельный вес участия в каждой из форм) представлены в нижней части шкалограммы (“Итоговое распределение ответов по пунктам”).

Таблица 1

Построение шкалограммы Гуттмана на основе данных исследования политического участия населения Кировограда (N = 420)

ПУНКТЫ ШКАЛОГРАММЫ (ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ)								Ответы без ошибок			
8	7	6	5	4	3	2	1	Частота (%)	Количество ошибок	Вес ответов с ошибками	Ранг (баллы)
+	+	+	+	+	+	+	+	4 (1.0)	0	0	8
-	+	+	+	+	+	+	+	3 (0.7)	0	0	7
-	-	+	+	+	+	+	+	4 (1.0)	0	0	6
-	-	-	+	+	+	+	+	13 (3.1)	0	0	5
-	-	-	-	+	+	+	+	81 (19.3)	0	0	4
-	-	-	-	-	+	+	+	70 (16.6)	0	0	3
-	-	-	-	-	-	+	+	46 (10.9)	0	0	2
-	-	-	-	-	-	-	+	41 (9.8)	0	0	1
-	-	-	-	-	-	-	-	29 (6.9)	0	0	0
Примеры ответов с ошибками								Ответы с ошибками			
								Частота (%)	Количество ошибок (j)	Вес ответов с ошибками (n _j)	Ранг (количество респондентов)
-	-	+	-	+	+	+	+	100 (23,8)	1	100	6 (1) 5 (15) 4 (11) 3 (27) 2 (19) 1 (27)
-	-	-	-	+	+	-	-	15 (3,6)	2	30	6 (3) 4 (3) 3 (1) 2 (8)
+	+	-	-	-	+	+	+	9 (2,1)	3	27	5 (7) 3 (1) 2 (1)
+	-	-	-	+	+	-	+	5 (1,2)	4	20	4 (5)
Распределение позитивных ответов по пунктам шкалы								Общее количество ответов с ошибками	Максимальное количество ошибок	Сумма весов ответов с ошибками $\sum_{j=1}^4 n_j$	Коэффициент репродуцируемости шкалы (CR)
19 4,5%	20 4,8%	42 10,0%	43 10,2%	167 39,8%	249 59,3%	318 75,7%	331 78,8%	129 (30,7%)	4	177	0,95

Итак, восемь фактологических суждений о вовлеченности респондентов в политику упорядочились следующим образом по уровню сложности форм участия:

1. “Всегда участвуете в выборах”.
2. “Читаете о политике в газетах, смотрите, слушаете теле- и радиопрограммы о политике”.
3. “Говорите о политике, обсуждаете политические проблемы”.
4. “Стараетесь убедить друзей, родственников в правоте своего мнения, взглядов”.
5. “Обращаетесь к представителям власти, депутатам для решения какой-либо проблемы”.
6. “Контактируете (общаетесь) с активистами общественно-политических движений, партий”.
7. “Делаете что-либо в пользу какого-то общественно-политического движения или партии (либо в пользу политика, депутата)”.
8. “Являетесь членом общественно-политического движения или партии и реально участвуете в их деятельности”.

Каждая строка шкалограммы представляет группу респондентов, давших по восьми пунктам-суждениям определенный набор ответов. Так, первая строка представляет 1% респондентов, чьи ответы свидетельствуют о максимальной вовлеченности их в политическую жизнь. Вторая строка представляет 0,7%, которые вовлечены во все формы политической жизни, кроме пункта 8, и т.д. Таким образом, первые девять строк шкалограммы представляют те наборы ответов, которые полностью подтверждают допущение о том, что восемь форм политического участия связаны собой отношением порядка, то есть образуют одномерный континуум, отраженный на шкалограмме в виде “лесенки”. Эти девять групп респондентов, расположенных в таблице вдоль “лесенки”, и образуют типы идеальной шкалы.

Однако идеальной шкалограмму считать нельзя, поскольку у 129 из 420 респондентов в ответах существуют отклонения от идеального распределения, которые в литературе принято называть ошибками (колонка “Общее число ответов с ошибками”). Эти группы респондентов представлены в строках 10–13, которые не пересекаются “лесенкой”¹. Ошибки — это не оплошности респондентов, а несоответствие ответов отношению порядка, как основному допущению шкалирования по Гуттману. Например, респондент, являясь членом политической партии, не интересуется информацией о политике в СМИ. В.Ядов называет подобные ситуации парадоксами — “когда умеющий умножать почему-то не умеет складывать...” [65, с. 179], то

¹ В полном варианте шкалограммы количество таких строк — 129, то есть равняется количеству респондентов, “сделавших ошибку”, и можно видеть, где именно у каждого из них это отклонение. Строки 10–13 представляют собой наглядные примеры таких отклонений от кумулятивного порядка, но данные для этой части респондентов представлены в числовой части шкалограммы полностью. Например, двигаясь по строке 10, можно видеть, что 100 респондентов допустили одну ошибку, из них 1 респондент имеет ранг 6 и т.д. Таким образом, “ошибающиеся” респонденты сортируются в разные по количеству группы в зависимости от числа ошибок и ранга, что необходимо для дальнейших вычислений.

есть совершая более сложное действие, человек почему-то не совершает менее сложного и логично подразумеваемого действия. Такие парадоксы делают вообще маловероятным построение идеальной шкалограммы.

Конструирование индекса политического участия (ИПУ)

В последней колонке шкалограммы — “Ранг” (см. табл. 1) — группы респондентов, относящиеся к идеальным типам шкалы, упорядочены путем ранжирования баллов (от 8 до 0), полученных на основе суммирования ответов со знаком “+” по всем пунктам. Согласно подходу Гуттмана, суммирование ответов осуществляется для всей выборки, включая группы респондентов, которые содержат ошибки.

Согласно данным, полученным по всему массиву (см. табл. 2), шкалирование по Гуттману позволяет объединить ряд показателей политического участия, поддающихся естественному упорядочиванию, в единую суммарную величину — индекс уровня политического участия, который вычисляется как среднее арифметическое набранных респондентами баллов.

Таблица 2

Статистики конструирования индекса политического участия (ИПУ) для населения Кировограда

Количество набранных баллов (по количеству форм вовлеченности в политику), % к числу опрошенных									Индекс*	σ**	Медиана	Мода
0	1	2	3	4	5	6	7	8				
6,9	16,2	17,6	23,6	23,8	8,3	1,9	0,7	1,0	2,83	1,59	3,00	4,0

* в баллах (среднее арифметическое), шкала 0–8

** Стандартное отклонение

Таблица 3

Идеальные величины индексов для различных форм и уровней политического участия в соответствии со шкалированием по Гуттману

Формы политического участия	Наименование соответствующих уровней политического участия	Идеальные величины индексов (в баллах)
Институциональные практики участия	Высокий уровень	8,00
Неинституциональные практики участия		7,00
Участие в идеологических коммуникациях		6,00
Участие, мотивированное “проблемной ситуацией”	Средний уровень	5,00
Влияние на формирование мнений в малых группах		4,00
Экспрессивно-вербальное участие		3,00
Познавательная вовлеченность	Низкий уровень	2,00
Электоральная вовлеченность		1,00
Невовлеченность ни в одну из форм участия		0,00

При интерпретации вычисленного показателя можно ориентироваться на представленные в таблице 3 содержательные значения идеальных величин индекса в соответствии с логикой идеальных типов шкалы Гуттмана. Значение индекса, таким образом, можно соотнести с тем или иным уровнем политического участия. При этом, как отмечалось выше, алгоритм шкалирования по Гуттману предполагает, что более высокий уровень политического участия включает в себя вовлеченность и во все типы участия на предыдущих уровнях, так как между ними установлено отношение порядка.

Проведенный шкалограммный анализ эмпирических данных позволяет иерархизировать группы людей по степени включенности в политику. Иерархия участия в политике (высокий, средний, низкий уровни) определяется различными по затратам времени, энергии и ресурсов формами участия: более низкому уровню должны соответствовать такие формы, которые требуют меньшего индивидуального вклада в политику.

Конечно, такой подход в значительной степени условен, но, на наш взгляд, он позволяет более содержательно разграничивать и характеризовать уровень “политизации” на основе полученной величины индекса.

Статистическая оценка надежности и валидности шкалы

Поскольку ответы значительной части респондентов (30,7%) содержат отклонения от идеального распределения, требовалось оценить — то ли ошибка настолько велика, что фактически свидетельствует об отсутствии ожидаемого отношения порядка между пунктами, то ли она несущественна и ею можно пренебречь¹. Математическая оценка конструктивной надежности и валидности измерения шкалы определялась на основе вычисления статистики, или коэффициента репродуцируемости по Гуттману (the Guttman coefficient of reproducibility — **CR**), и рассчитывалась по формуле²:

$$CR = \frac{\sum_{j=1}^4 n_j}{i \times N} = 1 - \frac{100 + 30 + 27 + 20}{8 \times 420} = 1 - \frac{177}{3360} = 1 - 0,05 = 0,95,$$

где n_j — число ответов в строках с ошибками;

i — число пунктов шкалы;

N — общее количество респондентов (выборка).

Все соответствующие обозначениям числа, взятые для вычисления **CR**, представлены в шкалограмме (см. табл. 1). Числитель дроби, $\sum n_j$, обозначает общее число **имеющихся реальных** ошибок в шкале (сумма весов оши-

¹ В отличие от аддитивных шкал (типа шкалы Лайкерта), надежность и валидность которых определяются скоррелированностью пунктов и их внутренней консистентностью, специфика оценки шкалирования по Гуттману состоит в контроле уровня репродуцируемости шкалы. Поэтому коэффициенты корреляции (Пирсона) между пунктами шкалы и коэффициенты α Кронбаха здесь неприменимы.

² В 1947 году Лавингер предложил также формулу индекса однородности для двух вопросов анкеты и на этой основе — формулу индекса однородности для всех вопросов анкеты. Существуют и многомерные модели оценки шкалограммы Гуттмана, которые впервые начал рассматривать К.Кумбс (конъюнктивная модель), факторно-аналитические тесты, однако многие из них превосходят разрешающую способность исходных данных.

бок), тогда как знаменатель, $i \times N$, обозначает общее число **всех возможных** ошибок шкалы (когда ни один из пунктов или респондентов не укладывается в шкалу). То есть формула позволяет учесть и оценить долю всех ошибок. Далее путем вычитания этой доли из единицы определяется доля “безошибочных” вхождений в шкалу. Таким образом, вычисленный коэффициент репродуцируемости (**CR**) построенной шкалы составил 0,95. Принято считать обоснованной шкалу Гуттмана с коэффициентом не ниже 0,90.

Осуществлялась и повторная отработка шкалограммы с целью контроля ее воспроизводимости: с интервалом в 2 месяца было опрошено 100 жителей Кировограда по идентичным с тестовым опросом методико-процедурным характеристикам. Величина **CR** составила 0,94, что свидетельствует о сопоставимой репродуцируемости шкалограммы.

Общая характеристика уровня политического участия в Кировограде

Полученные в результате апробации методического подхода данные опроса (март 2004 года) позволяют, во-первых, проанализировать иерархию форм политического участия от наиболее к наименее распространенным, во-вторых, определить удельный вес групп респондентов с разным уровнем включенности в политику, в-третьих, определить уровень политического участия для населения в целом:

1. Для населения Кировограда в наибольшей степени были характерны следующие формы вовлеченности в политику (см. последнюю строку табл. 1): электоральная (78,8%), познавательная (75,7%) и экспрессивно-вербальная (59,3%). В наименьшей степени жители города были вовлечены в политические практики — как институциональные (4,5%), так и неинституциональные (4,8%).

2. Из таблицы 2 можно видеть, что практически одинаковые доли респондентов вовлечены в три и четыре формы политического участия, что в сумме составляет около 50% (бимодальное распределение). Полностью “выключены” из политики около 7% населения. Крайне малый удельный вес вовлеченных одновременно в шесть и более форм политического участия (в сумме 3,6%).

3. Индекс уровня политического участия для населения Кировограда равен 2,83 балла. При сопоставлении с идеальными величинами индекса (см. табл. 3) такой уровень можно оценить как “ниже среднего” или приближающийся к нижней границе среднего уровня, о чем дополнительно может свидетельствовать и приведенное в таблице 2 значение медианы (3,00). С содержательной точки зрения для населения Кировограда характерны главным образом электорально-познавательная и в несколько меньшей мере экспрессивно-вербальная вовлеченность в политику.

5. Конструирование эмпирической модели стратификации политического участия

Поскольку, как было показано выше, уровень участия в политике может быть эмпирически иерархизованным, то в зависимости от уровня “политизации” можно иерархично дифференцировать позиции людей в вертикальном поле политического участия.

Учитывая опыт наиболее авторитетных зарубежных исследований политического участия, в которых авторы выделяют от четырех до шести категорий граждан по их включенности в политику, в итоге население Кирово-

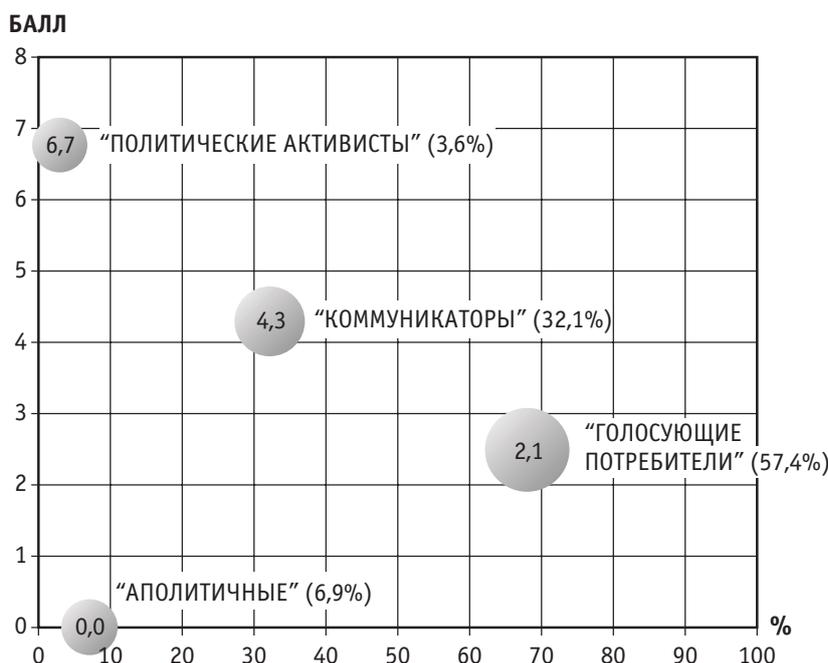
града было дифференцировано на четыре категории (позиции политического участия) со статистически значимым уровнем различия ИПУ ($p < 0,01$). Для наглядности этот пример эмпирической модели стратификации позиций участия в политике представлен графически (см. рис.).

Определение и содержательная интерпретация этих позиций основывались на идеальных величинах индексов для различных форм и уровней политического участия (см. табл. 3). Так, население Кировограда можно дифференцировать в зависимости от значения ИПУ на следующие категории:

- 1) “выключенные” из политики ($0 \leq \text{ИПУ} \leq 1$);
- 2) с низким уровнем включенности в политику ($1 \leq \text{ИПУ} \leq 3$);
- 3) со средним уровнем включенности ($3 \leq \text{ИПУ} \leq 6$);
- 4) с высоким уровнем участия ($6 \leq \text{ИПУ} \leq 8$).

Характеристика позиций политического участия

1. *Позиция категории граждан с высоким уровнем политического участия* (ИПУ = 6,7 балла)¹ — **“политические активисты”**. Граждане, относящиеся к этой категории, характеризуются высоким уровнем “политизации” и вовлечены практически во все формы участия в политике: от электоральной до разных типов коммуникаций (в том числе идеологических) и политических практик, включая наивысшую форму — прямое участие в институционализированной политической деятельности.

Ось X — шкала: 0–8 баллов; ось Y — % респондентов; в кругах (категории респондентов) — значение индекса политического участия (в баллах).

Рис. Стратификация позиций в поле политического участия (на примере Кировограда)

¹ Стандартное отклонение = 0,9.

2. *Позиция со средним уровнем политического участия* (ИПУ = 4,3 балла)¹ — “коммуникаторы”, объединяет лиц, фактически “выключенных” из политических практик и в политике “не идущих дальше” коммуникационных форм участия на уровне малых групп, к которым принадлежат: пытающихся влиять на формирование мнений в них через пропаганду усвоенной общественно-политической позиции (“стараящихся убедить в своей правоте”). При этом они, конечно, вовлечены в “предшествующие” формы участия: электоральную, познавательную и экспрессивно-вербальную. Кульминацией участия в политике для этой категории граждан может быть практика контактирования с политическими акторами (чиновниками, депутатами) для разрешения своей “проблемной ситуации”.

3. *Позиция с низким уровнем политического участия* (ИПУ = 2,1 балла)² объединяет категорию людей, названных “голосующими потребителями”, политическая вовлеченность которых ограничивается, главным образом, электоральной и познавательной формами (потребление информации о политике из СМИ). “Пиком” участия в политике для этой категории лиц, вероятно, является экспрессивно-вербальная активность (“высказывания в разговорах”).

4. *Позиция контингента людей, отчужденных от основных форм политического участия* (ИПУ = 0), которые не участвуют даже в выборах, была обозначена как “аполитичные”. Однако разумеется, что применительно к реальной жизни такую отчужденность не следует абсолютизировать. Политическое поведение имеет свойство, подобное тому, что Г.Алмонд и С.Верба называют “прерывистым и потенциальным характером включенности” [55]. В нашем исследовании — это потенциал эпизодической, фрагментарной электоральной и познавательной вовлеченности “аполитичных” (иногда могут и проголосовать или, к примеру, посмотреть политическое ток-шоу).

При интерпретации позиций политического участия следует учитывать важный вывод, основанный на опыте различных исследований: **позиции граждан не могут быть жестко локализованы в поле политического участия.**

Во-первых, политическое поведение индивидов изменчиво и, даже с учетом максимального количества факторов, влияющих на участие в политике, оно во многом остается ситуативным, спорадическим по характеру [66].

Во-вторых, политическое участие носит циклический характер (“циклы высокой–низкой включенности”), и этим может объясняться его спорадичность (импульсивность), когда, например, стоящие обычно в стороне от политики (“аполитичные”) и не проявляющие к ней интереса люди вдруг становятся не только “голосующими потребителями”, но нередко и “политическими активистами” [55].

В-третьих, значимость разных проблем редко возрастает для всех социально-демографических групп одновременно, поэтому в одних случаях, к примеру, “коммуникаторы” старшей возрастной группы могут стать “политическими активистами”, а в других — “голосующими потребителями”.

1 Стандартное отклонение = 0,4.

2 Стандартное отклонение = 0,8.

Таким образом, следует принимать во внимание возможную изменчивость реальной картины политического поведения, чтобы избежать неадекватного вывода о жесткой детерминации позиций участия в политике, которые, по мнению Пьера Бурдьё, определяются не четкой локализацией, а отношениями с другими позициями и, поэтому, могут быть поняты исключительно через соотнесение, сравнение и противопоставление друг с другом [32, с. 25].

Применение шкалирования по Гуттману, на наш взгляд, позволяет продуктивнее исследовать, во-первых, последовательность (порядок) вовлеченности людей в политику, что дает возможность обоснованно представить логику этого процесса и его упорядоченную структуру, во-вторых, обоснованно выделять и сравнивать различные социально-демографические группы по степени включенности в политику (по уровню “политизации”), в-третьих, вычислять уровень политического участия для различных по масштабам социумов (индекс), в-четвертых, дифференцировать позиции людей в вертикальном поле участия в политике (эмпирическая модель стратификации).

Кроме того, применение предложенного методического подхода позволяет расширить рамки применения различных математико-статистических процедур для анализа факторов участия в политике, а также возможности проведения компаративных и мониторинговых исследований, с которыми в значительной степени связаны перспективы не только эмпирического, но и теоретико-методологического анализа участия в политике.

Конечно, предложенная нами работа не охватывает всех аспектов теории, методологии и измерения политического участия, но, вместе с тем, дает достаточно продуктивный подход к его целостному теоретико-методологическому пониманию и методически обоснованному анализу этого феномена в социологических исследованиях.

Литература

1. *Migdal J.S.* Strong States, Weak States: Power and Accommodation // *Understanding Political Development* / Weiner M., Huntington S.P. (Eds.). — Boston, 1987. — P.391–434.
2. *Дэй Т., Зиглер Л.* Демократия для элиты: Введение в американскую политику. — М., 1984.
3. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. — СПб., 2005; *Клюенко Э.* Современный социологический словарь. Социальный протест // *Социология: теория, методы, маркетинг.* — 1999. — № 4. — С. 144 — 146; *Клюенко Е.* Методологічні засади дослідження соціальної напруженості в суспільстві, що трансформується // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг.* — 1998. — № 4/5. — С. 41–55.
4. *Тьоніс Ф.* Спільнота та суспільство. — К., 2005.
5. *Гірц К.* Інтерпретація культур : Вибрані есе. — К., 2001.
6. *Маккайвер Р.* Реальность социальной эволюции // *Американская социологическая мысль : Тексты.* — М., 1996. — С. 76–91.
7. *Левин-Стросс К.* Первобытное мышление. — М., 1994.
8. *Huntington S.P.* The Political Modernization of Traditional Monarchies // *Daedalus.* — 1966. — № 95. — P.763–768; *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. — New Haven, 1968.
9. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996.
10. *Манхейм К.* Человек и общество в эпоху преобразования // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. — М., 1994. — С.277–411.

11. *Parsons T.* The Distribution of Power in American Society // World Politics. — 1957. — № 10. — P.123–143; *Parsons T.* The Concept of Society: The Components and Their Interrelations // Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparatives. — Englewood Cliffs, 1966. — P.5–29.
12. *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль : Тексты. — М., 1996. — С. 393–461.
13. *Липсет С.* Политическая социология // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. — М., 1972. — С. 203–219.
14. *Барбер Б.* Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. — М., 1972. — С. 235–247.
15. *Collins R.* Three Sociological Traditions. — N.Y., 1985; *Коллинз Р.* Теория конфликта в современной макроисторической социологии // Философская и социологическая мысль. — 1993. — № 6. — С.81–99.
16. *Coser L.A.* The Functions of Social Conflict // Sociological Theory: A Book of Readings / Coser L.A., Rosenberg B. (Eds.). — N.Y., 1957. — P. 199–203.
17. *Ручка А.А., Танчер В.В.* Очерки истории социологической мысли. — К., 1992; *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 142–147.
18. *Маркузе Г.* Одномерный человек. — М., 2003.
19. *Сорокин П.* Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 297–424.
20. *Mills Ch.W.* White Collar. — N.Y., 1951.
21. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. — М., 2001.
22. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. — 1993. — № 4. — С.43–63.
23. *Шумпетер Й.А.* Капіталізм, соціалізм і демократія. — К., 1995.
24. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. — М., 1999.
25. *Тоффлер Э.* Третья волна. — М., 2002.
26. *Масуда Е.* Компьютопия // Философская и социологическая мысль. — 1993. — № 6. — С.36–47.
27. Постіндустріальні філософсько-соціологічні сценарії для майбутнього // Реконструкція світоглядних парадигм (нові тенденції в західній філософії). — К., 1995. — С. 6–46.
28. *Нейсбит Д.* Мегатренды. — М., 2003.
29. *Лайон Д.* Інформаційне суспільство: проблеми та ілюзії // Сучасна зарубіжна соціальна філософія : Хрестоматія. — К., 1996. — С. 362–380.
30. *Бодрийяр Ж.* Символічний обмін і смерть. — Львів, 2004.
31. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. — Екатеринбург, 2000.
32. *Бурдьё П.* Социология политики. — М., 1993.
33. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS (Теория и история экономических и социальных институтов). — 1993. — Т.1. — Вып.1. — С.57–82.
34. *Матусевич В.* Політична культура: Теоретико-методологічні проблеми дослідження // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 4/5. — С. 5–16.
35. *Смелзер Н.Дж.* Проблемы социологии. Георг-Зимелівські лекції, 1995. — Львів, 2003.
36. *Ковлер А.И., Смирнов В.В.* Демократия и участие в политике: Критические очерки истории и теории. — М., 1986; *Маторина О.П.* Воспитание общественно-политической активности учащихся при изучении обществоведения. — М., 1974; *Дмитриев А.В.* Политическая социология США (очерки). — Л., 1971.
37. Українське суспільство 1992–2003. Соціологічний моніторинг. — К., 2003.

38. Головаха Е.И., Бекешкина И.Э., Небоженко В.С. Демократизация общества и развитие личности. От тоталитаризма к демократии. — К., 1992.
39. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие. История, теория и современная практика. — К., 1994.
40. Головаха Е.И. Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине. — К., 1996.
41. Политическая культура населения Украины. — К., 1993.
42. Участие политическое // Современная западная социология : Словарь. — М., 1990. — С.364–365.
43. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. — М., 1990.
44. Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования // Политические исследования. — 1999. — № 5. — С. 170–176.
45. Milbrath L. Political Participation // The Handbook of Political Behavior / Ed. by S.Long. — N.Y., 1965. — Vol. 4. — P.198–207.
46. Dahl R. Democracy in the United States: Promise and Performance. — Chicago, 1972.
47. Смелзер Н.Дж. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социологические исследования. — 2004. — № 11. — С.3–12.
48. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. — М., 1994.
49. Патнам Р., Леонарди Р., Нанетти Р. Творения демократії: Традиції громадської активності в сучасній Італії. — К., 2001.
50. Осипова Е.В. Социология политической культуры в Великобритании // Социологические исследования. — 1992. — № 4. — С. 97–105.
51. Українське суспільство–2003. Соціологічний моніторинг. — К., 2003.
52. Riesman D., Glazer N. Criteria for Political Apathy // Studies in Leadership / Ed. by A.W.Gouldner. — N.Y., 1965. — P. 505–559.
53. Дейк Т.А. ван. Ситуационные модели // Психология социальных ситуаций. — СПб., 2001. — С.226–235; Клар И., Бар-Тель Д., Круглянский А. Ситуация конфликта как когнитивная схема // Психология социальных ситуаций. — СПб., 2001. — С.216–225.
54. Рікер П. Сам як інший. — К., 2002.
55. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. — 1992. — № 4. — С.122–135.
56. Олсен М. Логіка колективної дії. Суспільні блага і теорія груп. — К., 2004.
57. Parry G., Moysen G. A Map of Political Participation in Britain // Government & Opposition. — 1990. — № 2. — P. 147–169; Parry G., Moysen G. Political Participation in Britain // Government & Opposition. — 1984. — Vol.19. — № 1. — P.68–92
58. Olsen M.E. Model of Political Participation Stratification // Journal of Political and Military Sociology. — 1973. — № 1. — P.183–200.
59. Пилипенко В.Є., Вишняк О.І. та ін. Спеціальні та галузеві соціології. — К., 2003.
60. Головаха Е.И., Панина Н.В. Интегральный индекс социального самочувствия: конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. — К., 1997.
61. Панина Н.В., Головаха Е.И. Тенденції розвитку українського суспільства (1994–1998 рр.). Соціологічні показники (Таблиці, ілюстрації, коментар). — К., 1999.
62. Youth and History: a Comparative European Survey on Historical Consciousness and Political Attitudes Among Adolescents. — Hamburg, 1997. — Vol. A.
63. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. — М., 1997.
64. Гуттман Л. Основные компоненты шкального анализа // Математические методы в современной буржуазной социологии. — М., 1966. — С.288–343.
65. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. — М., 2000.
66. Dowse R., Hugues J. Sporadic Interventionists // Political Studies. — 1977. — Vol. 25. — № 1. — P.84–92.